

М.А. Буряков¹
Ишим

О ЗНАЧЕНИИ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сопоставляя значения глаголов внешнего восприятия и общего чувства, автор констатирует «тройственный» характер их грамматического субъекта, который предусматривает три семантических компонента (субъект мысли, субъект воли и субъект действия), актуализирующиеся в зависимости от характера отношений между субъектом и глагольным признаком. В случае тождественных отношений субъект реализуется как агенс в «номинативной» конструкции, при посессивных – как бенефициар (субъект воли) в «дативной» конструкции. Автор выясняет, что такие же отношения между субъектом и глагольным признаком складываются в семантической оппозиции известного в сравнительном языкознании «нерезультативного» и «результативного» перфекта. На материале древнерусской литературы выясняется, что обычной формой отображения эмоционального состояния была сходная с «нерезультативным» перфектом «номинативная» эмоциональная конструкция, в которой носитель эмоции представлялся в тождестве трех субъектных функций как агенс, без актуализации субъекта воли. Лишенные субъектной мотивации, эмоциональные состояния в древнерусский период отображались как мимико-голосовые реакции на внешнее воздействие.

Ключевые слова: «Тройственный» характер грамматического субъекта, субъект мысли, субъект воли и субъект действия, агенс и бенефициар, «номинативная» и «дативная» конструкции, нерезультативный и результативный перфект, «номинативная» эмоциональная конструкция.

¹ Михаил Афанасьевич Буряков, кандидат филологических наук, mchlb@mail.ru

M.A. Buryakov
Ishim

THE SIGNIFICANCE OF ONE HISTORICAL FORM OF EXPRESSING EMOTIONAL STATES IN OLD RUSSIAN

Comparing the meaning of verbs of perception and general feelings, the author states a “threefold” nature of their grammatical subject, which contains three semantic component (the subject of thought, the subject will, and subject of the action), which become actualized depending on the nature of relations between the sentence subject and verb meaning. In case of identical relations the subject is realized as the Agent in the “nominative” sentence structure, and if the relations are possessive – as the Beneficiary (the Subject of the Volition) in the “Dative-Case” sentence structure. The author finds the same relationship between subject and verb are in the semantic opposition known in comparative linguistics as “non-resultative” and “resultative” perfect. Old Russian texts show that the regular form to express emotional state was “nominative” emotional construction similar to the “non-result” verb perfect, in which the experiencer of emotion carries three semantic functions but as Agent, without having the role of Subject of Volition. Devoid of subject motivation, emotional states were expressed in Old Russian as a mimic and vocal responses to external stimuli.

Key words: threefold nature of grammatical subject, the subject of thought, the subject of volition, and subject of the action, Agent and Beneficiary, “nominative” and “dative” sentence structures, non-resultative and resultative perfect, “nominative” emotional construction.

Сравнивая глаголы внешнего восприятия и общего чувства, нетрудно заметить их сходство: все они указывают на предмет восприятия. Этим обуславливается их широкая синонимия, отмеченная еще А.А. Потебней в славянских языках [Потебня, 2010, с. 96]. Но между ними есть и существенное отличие: если глаголы внешнего восприятия делают акцент в своем значении на одном из пяти внешних чувств, характеризуя **поведение** человека, то синонимическое употребление глаголов общего чувства

обуславливается характером воспринимаемого объекта, ср. подобное употребление корня *-пн-* ‘знать’ описывает А. Вежбицкая в папуасском языке калам, в котором отсутствуют глаголы внешнего восприятия [Вежбицкая, 1996, с. 291-325]. Специфика глаголов общего чувства с общеславянским корнем **ĉi-* (и.-е. < **ka/*ku*/kú* [Фасмер 1973, IV, 390; Черных, 2009, II, с. 398]), восходящим к самым различным ментальным процессам, становится более понятной, когда их объектом оказывается сам воспринимающий субъект. В этой позиции предикат восприятия осмысливается как выражение ментальной идентичности субъекта. «Сочетания *чувствовать себя, почувствовать себя*, – пишет Е.Л. Калакуцкая, – до 60-70-х годов XVIII в. употреблялись со значением ‘прийти в себя, опомниться’ (например, после обморока)» [Калакуцкая, 1991, с. 146]). Не менее контрастно выступают эти глаголы в автореферентном перформативном употреблении, ср. *вижу!* означает либо указание на предмет (пусть даже в переносном ментальном значении ‘иметь перед собой; понимать’), либо констатацию самого внешнего чувства (зрение вернулось), тогда как *чувствую!* – указывает на какое-то субъективное знание, характер которого при его лексикализации может получить отрицательную модальность, ср. разг. *переживаю!*

Все это заставляет думать о различии в характере самой связи субъекта глагола с выражаемым им предикативным признаком. Об этом, в частности, свидетельствует отличие в семантике их переходности. Согласно классификации Ю.С. Степанова, транзитивность глаголов внешнего восприятия характеризуется как **дейктическая** (ср. *увидеть человека* → *увиденный человек* → ‘вот человек, который увиден’), а глаголов общего чувства — как **посессивная** («‘чувствовать’, в конечном счете ‘иметь’») [Степанов, 1977, с. 142-143]. Несмотря на то, что в глаголах внешнего восприятия действие не выходит за пределы субъекта («синтетическая неэффективная переходность»), сам дейкис является компонентом материального мира, который устанавливает такую связь субъекта с объектом, которая характеризует обоих членов предикации причастными бытию, существующими. В то время как глаголы общего чувства («аналитическая неэффективная переходность») отображают только субъективное переживание субъекта. Как известно, подобные семантические отношения описывал Э. Бенвенист, анализируя языковые универсалии ‘быть’ и ‘быть у’ в значении «иметь». Согласно

его рассуждению, в сочетании 'быть' с субъектом в casus rectus (им.п.) последний связывается с другим членом отношениями консубстанциальности (тождества), а в сочетании с casus obliquus ('быть у') начинает играть роль бенефициара, а 'быть' становится выражением «внешней» связи [Бенвенист, 1974, с. 215]. Аналогично, два значения экзистенциональности обнаруживает у глагола 'быть' О.Н. Селиверстова: 1) Ex_1 , выражающее принадлежность бытию и 2) Ex_2 , указывающее на нахождение объекта в пространстве; последнее следует отличать от локативных отношений, т.к. здесь речь идет об **эмфатическом** указании, характеризующем область самого субъекта [Селиверстова, 2004, с. 139-140]. Первое собственно является выражением субъектно-объектного тождества. Второе значение предполагает посессивные отношения, т.к. эмфаза как раз и указывает на предмет обладания. Но в таком случае, что является предметом обладания в этой конструкции, если значение «иметь» не указывает на объект, – как подчеркивал Бенвенист, – всегда только на субъект» [Бенвенист, 1974, с.214]? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к двум субъектным составляющим, образующим семантику любого глагола в интерпретации А.М. Пешковского. «В каждом глаголе, – пишет ученый, – заключен оттенок какого-либо **деланья** или **действия**» и в каждом «глаголе, раз он изображает действие, должен быть оттенок **воли, намерения**» [Пешковский, 2001, с. 75; 79]. По-видимому, субъект глагольного признака находится с этими составляющими в разных отношениях, а именно: с признаком **действия**, относящимся к области объективной действительности, он находится в отношении **тождества**, как это имеет место у членов, соединенных глаголом 'быть' в первом значении (Ex_1), а с «**волей**», относящейся к внутренней области субъекта (субъективной), – он находится в отношениях **посессивности** (значение Ex_2), выражающейся формой субъекта.

Таким образом, понятие субъекта, с точки зрения языка, оказывается сложной структурой, предполагающей, в зависимости от характера субъектно-объектных отношению актуализацию различных связей и компонентов. Можно предположить, что ключевым компонентом семантики субъекта, изменяющим «регистр» предикативной синтагмы, следует признать «субъект мысли», образовавшийся вследствие отображения (запоминания) в «воле»

«субъекта действия» и поэтому занимающий среднее положение между «субъектом воли» и «субъектом действия». Для отображения себя как «**движущегося**» (по А.М. Пешковскому) субъекту мысли достаточно отождествить себя с субъектом воли. В этом случае «субъект мысли» становится «причиной», обуславливающей образование «следствия» – «субъекта действия». При актуализации **посессивных** отношений с «субъектом воли» причинно-следственные отношения с «субъектом действия» теряют свою обязательную силу и также становятся «внешними». В силу этого значение предикативной синтагмы становится отображением **субъективной области**, ибо «**действовать**» могут только живые существа». Неслучайно, А.М. Пешковский колеблется в определении характера семантического оттенка глагола, называя его то «оттенком воли, намерения», то «оттенком сознательной деятельности [Пешковский, 2001, с. 79].

В свете активно развивающегося в современной лингвистике представления об «антропоцентричности языка» наши доводы в пользу отражения в грамматической категории субъекта самого человека в трех субъектных сущностях, отображающихся разными логико-семантическими связями и в разных лексико-грамматических формах, позволяют отказаться от поиска «кварков» активности или стативности [Апресян, 2006, с. 53] и выйти за пределы традиционной оппозиции «действия» и «состояния», рассматриваемой как нечто независимое от категории грамматического субъекта.

Когда мы хотим выразить себя «сторонне», наравне с другими воспринимаемыми объектами (т.е. в объекте), мы вынуждаемы включать в это «отражение» свое отношение к факту нашего пребывания в данном пространстве и времени: *мне (было, будет, было бы) хорошо (плохо) здесь*. Собственно, на этот главный компонент безличной конструкции с дательным субъектом под отрицанием «*X-у не работалося*» и указывает Ю.Д. Апресян, когда утверждает, что в ассертивной части толкования «отрицается именно **предрасположенность к действию**», а не само действие [Апресян, 2006, с. 38]. Субъектом этого **отношения** является сам говорящий, выступающий в роли бенефициара, а объектом отношения – факт, явление действительности, представленный как атрибутивный признак. Поэтому глагол ‘быть’ в настоящем времени (*я – здесь!*), глаголы в перформативном употреблении (*я клянусь! я согласен!*) и

«глаголы **конкретного** значения» (*смеется, ругается, пишет, читает*)» [Галкина-Федорук, 2012, с.195], выражающие тождество трех субъектов: мысли, воли и действия, не могут, употребляться безлично, ср. невозможность **Мне – здесь! *Мне клянется! *Мне смеется. *Мне ругается*¹.

Представление о «тройственном» характере семантики грамматического субъекта помогает разобраться и правильно (адекватно) описать употребление предикатов, отражающих, например, деятельность целеполагания. Так, И.Б. Левонтина, характеризуя своеобразие употребления целевых средств в языке, указывает, что правила их употребления регулируются взаимодействием двух субъектов (она говорит о «двух ролях»): «субъекта целеполагания» и «субъекта действия» [Левонтина, 2006, с. 187]. Например, в ярком целевом существительном *намерение* она справедливо усматривает совпадение субъекта целеполагания с «представлением о вероятном результате», под которым однако понимает не «цель», т.е. не субъекта мысли, а конкретные действия, которые «он собирается совершить», т.е. субъекта действия [Левонтина, 2006, с. 169]. Между тем, кажется очевидным, что самое это «представление» может быть не только нетождественно, но и находиться в противоречии с реальным действием, ср. у В. Даля *У него намерение всегда доброе, да исполнение бывает неудачно* [Даль, 2008, с. 442]. Именно вследствие отсутствия отображения в семантике слова *намерение* субъекта действия выражение им объектной референции в **предикативной позиции** невозможно не только в активной конструкции, ср. у В. Даля: *«Я намерился, намереваюсь, намерен или имею намерение купить дом»* [Даль, 2008, с. 442], но и в страдательной, несмотря на то, что в ней *намерение* находится в позиции семантического объекта [Пешковский, 2001, с.117], ср. некорректность фразы **Его намерения осуществились* (пример И.Б.

¹ На первый взгляд, может показаться корректность форм *пишется* и *читается*. Однако сами по себе они не существуют вне конструкции с эмфатическим уточнением (в котором и выражается отношение говорящего) *Мне (сегодня, с утра, целый день) не пишется, не читается*, которое иначе не воспринимается как со связкой 'быть', ср. *Мне сегодня не пишется, не писалось, не будет писаться, не писалось бы*.

Левонтиной). Актуализация субъекта действия происходит только на поверхностном синтаксическом уровне в объекте: в позиции прямого дополнения и в сочетании с глаголами, на последней ступени редукции которых обнаруживается прототипическое значение ‘(с)делать’, ср. *осуществить, реализовать, исполнить, выполнить, приводить в исполнение*, ср. *Он наконец осуществил свои намерения*.

Полной семантической противоположностью *намерению* являются целевые слова *план, задание* и особенно *проект*, в котором, как пишет Левонтина, «вообще отсутствует идея принятия решения», так что его значением является только «умственная конструкция, описывающая, как можно было бы нечто осуществить» [Левонтина, 2006, с. 169]). Однако несмотря на ментальный характер значения, эти слова легко подвергаются «опредмечиванию» не только в позиции **объекта** (ср. *осуществлять план; выполнить проект*; в страдательной конструкции: *Его планы осуществились через сто лет* [Левонтина, 2006, с. 188]), но и в позиции **предиката**, ср. *осуществлять план* = *планировать* собств. ‘совершать какие-л. действия; делать что-л.’; *выполнить проект* = *проектировать*¹ собств. ‘реализовывать мысли на материальном носителе; чертить план, схему; делать запись на бумаге, мониторе и т.д.’. Следовательно, субъект мысли отождествляется не с субъектом воли, а с субъектом действия, являющегося компонентом этих ментальных слов. Отчего и «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Ср., возможность сходной трансформации для ряда обозначений, включающей агенса в семантику ментальной конструкции, типа *осуществлять руководство* = *руководить*, *осуществлять модернизацию* = *модернизировать* и т.д., и невозможность подобной же трансформации для слова *намерение*: *осуществлять намерение* ≠ *намериваться*.

Представление о тройственном характере семантики грамматического субъекта помогает уточнить некоторые вопросы, являющиеся предметом перманентных дискуссий в сравнительном языкознании. В частности, становится очевидным, что в первичной

¹ Слово *задание* имеет сразу двух агенсов. Поэтому для задающего агенса трансформация в глагольный предикат возможна: *задавать*, – а для исполняющего задание такая трансформация не предусмотрена, только: *осуществить, исполнить, выполнить задание*.

семантической оппозиции «действия» и «состояния», нашедшей языковое отражение в грамматической оппозиции активных форм на *-mi* и инактивных на *-a* [Семереньи, 2010, с. 351], проявляется характерное для данного уровня развития языка тождество субъекта воли, мысли и действия. Последующий процесс актуализации субъекта воли в инактивных языковых формах последовательно проявляется в мощном воздействии на них «класса активных глаголов» [Степанов, 1989, с. 30], приведшее к созданию сначала полной перфектной парадигмы, а затем целого класса медиальных глаголов, основным значением которых было выражение **действующего**, а не **движущегося** субъекта (отсюда самое название медиа как *atmanepadam* 'слово для самого себя' [Степанов, 1989, с. 23-24; Семереньи, 2010, с. 346]). Это процесс нетрудно распознать и в древней перфектной оппозиции *o-/ø* – вокализма и удвоения перфектного корня. Ю.С. Степанов справедливо усматривал в ней специфическую семантическую ориентацию, проявляющуюся в том, что морфологический тип перфекта с *o*-вокализмом без удвоения тяготеет к значению «состояния тела», а перфект «с нулевым вокализмом корня без чередования гласного и с удвоением» — «к значению «состояние духа» [Степанов, 1989, с. 23-24]. А.А. Потебня в книге «Мысль и язык» также полагал, что «удвоение» есть выражение психологической оценки, обусловленной влиянием «того чутья, которое заставляет протягивать гласную в прилагательном (например, *хоро-ошшй*), если им хотят выразить высокую степень качества» [Потебня, 2010, с. 98].

Многие компаративисты указывают также на неустойчивость исторических форм перфекта по сравнению, например, с формами актива, поскольку они «легко переходит в повествовательное время», где «очень быстро «изнашиваются», вследствие чего существует потребность в их постоянном обновлении» [Семереньи, 2010, с. 313]. Представление о «тройственной» семантике грамматического субъекта помогает правильно понять это явление. Как было показано выше, в «речевом акте», который есть, собственно, истинное «настоящее» время, перфект отображал человека как тождество трех субъектов, т.е. «недействующий агентс» или как покоящийся предмет. Если согласиться с утверждением О. Семереньи, что процесс шел по направлению от «настоящего» времени к «повествовательному», то

следует констатировать, что именно осознание себя волевым субъектом в «настоящем» времени и стремление языковыми средствами адекватно выразить это является первопричиной отображения его и в «повествовательном» времени и всех последующих изменений перфекта. Ибо если интенция активного субъекта исчерпывается, по-видимому, объектом действия, то перфектная форма отображает компонент воли двояко: как субъектную реакцию и как результат объектного действия. Очевидно, что в субъектной реакции все три субъекта – мысли, воли и действия – тождественны, представляя субъекта предметно, как внешнее поведение. Тогда как «результат действия» есть, собственно, представленное в формате посессивных отношений субъективное содержание, одним из компонентов которого является субъект воли, а другим – субъект действия. Эта оппозиция снова приводит нас к ассоциации с оппозицией языковых универсалий ‘быть’ и ‘быть у’, а также, по-видимому, близкой оппозиции нерезультативного и результативного перфекта. В «чистом» виде последняя оппозиция фиксируется компаративистами на ранних стадиях развития языка. Так, например, еще в языке Гомера *κατέκτονα*, *ἔπεκτονα* значат ‘я убийца, я запятнан убийством’ и лишь впоследствии приобретает значение ‘я убил и (поэтому) являюсь убийцей’ [Степанов, 1989, с. 20-21; Юдакин, 1984, с. 142]. С точки зрения тройственного характера категории субъекта, нерезультативный перфект есть первичное отражение волевого субъекта как тождество всех трех субъектов в объекте, своеобразное «переформатирование» субъекта из «настоящего» времени (с тождественными отношениями) в «повествовательное» время. Тогда как результативный перфект актуализирует субъекта воли, представляя его как атрибут субъекта мысли.

Первоначальное отображение посессивных субъектных отношений в синтетических формах и употребление их в «повествовательном» времени на фоне аналогичных синтетических активных (тождественных) форм постепенно показывало их неадекватность и приводило к «обесцениванию», к их «изнашиванию». Тенденция к более адекватному отображению нерезультативного и результативного состояния приводит к дифференциации по крайней мере трех языковых форм: формы презенса и аориста, отразивших тождество субъекта мысли субъектом действия, а также глагол ‘быть’,

возникший как абстракция эмфатического показателя субъекта мысли с принадлежащим ему субъектом воли с двумя функциями: тождества и обладания. Вторая отображалась, как было уже сказано выше, в сочетании с «небытийной» (*casus obliquus*) формой лица. Первая – «бытийно» в номинативе, тождественной предикативной связью. Ср. анализ значения двух форм древнеармянского перфекта, сделанный Э. Бенвенистом в связи с толкованием значения конструкции ‘быть у’. Из толкования следует, что в непосессивной форме отображен агенс, т.е. субъект мысли в тождестве с субъектом воли и действия, в конструкции с непереходным глаголом в форме причастия на *-eal*, глаголом ‘быть’ и субъектом в номинативе, а в посессивной конструкции актуализируется субъект воли в конструкции с переходным глаголом в форме причастия на *-eal*, глаголом ‘быть’ и субъектом в генитиве (посессивная форма в древнеармянском языке). Ср. арм. *sa ekeal ē* ‘он пришел’ (форма непосессивная) [собственно ‘он есть стоящий *hic et nunc*’ – М.Б.] и *nora tesimal ē* букв. «лат. *eius visum est*, его видно есть» [собств. ‘он имеет увиденное’ – М.Б.] и означает «лат. *habet visum*, он увидел» (форма посессивная) [Бенвенист, 1974, с.218]. Пример Э. Бенвениста интересен тем, что агенс сочетается с глаголом движения (‘идти’), который в общиндоевропейском принадлежал к активному классу [Степанов, 1977, с. 138], а бенефициар – с глаголом восприятия (‘видеть’), который мог быть как активным, так и пассивным. Это означает, что непереходность в армянской перфектной форме (т.е. в «объекте») осмысливается как тождество субъекта и предикативного признака, выраженного основой глагола, что фактически означает отсутствие в непосессивной форме перфекта отображения субъекта воли, т.е. субъективного содержания. Напротив, переходность отображается как обладание предикативным признаком, выраженным омонимичным ‘быть’ и обозначающим «признак воли». Именно отображением в посессивной перфектной форме волевого субъекта можно объяснить широко известную языковую тенденцию к исторической замене формы перфекта как исходного обозначения результативного действия – аористами и презенсами; в частности, в русском языке этим можно объяснить формирование корпуса глаголов прошедшего времени из перфектных причастий. Собственно, на коллизии двух субъектов в прошедшем времени – субъекта воли и действия – основан известный пример А.М.

Пешковского с глаголом *умер* [Пешковский, 2001, с. 79]. Л.А. Пирейко называет включение пассивных аналитических форм в персидском языке «в систему временных форм на место исчезнувших флективных форм прош. времени прежде всего **активного залога**» – «иронией истории этих форм». Между тем, эта «ирония» не нонсенс: объясняется все тем, что субъект этой пассивной формы выражался «род. падежом, **имеющим притяжательную функцию** (*manā kartam* ‘мое сделанное’)), т.е. являлся бенефициаром, актуализирующим субъекта воли [Пирейко, 1976, с. 38]. Именно с помощью этих посессивных предикативных связей «действие» (агнс) выводилось из «настоящего» времени (= тождества трех субъектов) в повествовательное [Пирейко, 1976, с. 39].

Таким образом, субъект непосессивного перфекта осмысляется языком как движущийся, а не действующий (по Пешковскому) субъект. Следует согласиться с мнением Ю.С. Степанова, утверждавшего, что перфекты, выражавшие ‘состояние духа’ и ‘состояние тела’ в этот период развития языка в равной степени отображали «состояние материального мира», в котором «вещь или человек» «осмысляются лишь как компоненты этой среды, не выделяясь особо и не подчеркиваясь» [Степанов, 1989, с. 24]. Семантика «непосессивного» перфекта, ее отношение и отличие от семантики посессивного перфекта очень важно для понимания ранних форм выражения эмоциональных состояний, обнаруживающихся в древнем языке. Это обусловлено тем, что наиболее древние конструкции, в которых изображается эмоциональное состояние, весьма напоминают по форме «непосессивный» перфект, а именно: нечленное прилагательное, выражающее эмоциональный признак (аналогично непереходным основам), в сочетании с глаголом ‘быть’ и субъектом эмоции в номинативе. Примеры: [Мф.14, 9-10]: слав. [*Иродιάдина*] *рече* [

арь; ср. греч. [*ἡ θυγάτηρ τῆς Ἡρώδος φησὶν*] [*ὁς μοι...τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου τοῦ βαπτιστοῦ*] *καὶ λυπηθεὶς ὁ βασιλεὺς*; лат. [*filia Herodiadis*] *inquit* [*da mihi...in disco caput Ioannis Baptistae*] *Et contristatus rex*. (Муч.мчн.Вит., Мод.и Крест.) Усп.сб.ХII-ХIII вв.,

127в28: *Дѣмонъ же многы оумори.*

рь. (Муч. св. Христоф.) Усп.сб.ХII-ХIII вв., 98в25: *Она же* [Калиника] *рече. повелѣ* *остию твоею* [*ря*]

ь [идольмь]

рь [1147]: *И посла*

Володимерь к брату повѣдая убийство Игореву и печален быс Изяслав. Лавр.лет., 106; [1270]: *Дмитрий же отречесе ... И быша новгородци печални*. Новг. I лет., 148об. [Мф.17, 22-23]: Слав.

ἔλο; ср. греч. *ἔπεν αὐτοῦ ὁ Ἰησοῦς ... καὶ ἐνπλήθησαν σφῶδρα*; лат. *dixit illis Iesus: ... Et contristati sunt vehementer* и т.д.

Представляется, что древнерусская форма эмоционального состояния является контаминацией двух предикаций, а именно: предикации препозитивной, отражающей воздействие внешнего агенса, как правило, в форме аориста, и предикации постпозитивной, констатирующей наличие у субъекта эмоционального признака. Первая предикация отобразилась в сходной форме аориста глагола 'быть', который к тому же не был в этот период развития языка простой связкой, а сохранял, как свидетельствует А.А. Потебня, отнюдь не чисто формальное значение «создался», «построился», «стал», «возник» и т.п.» [Потебня, 1958, с. 133]. Вторая предикация выражалась нечленной формой прилагательного с атрибутивным значением. Статус истинности, принадлежности бытию, как об этом было уже сказано выше, оно получало в настоящем времени (т.е. в момент речи, а именно на него, как раз и указывает, например, латинское соответствие *contristati sunt*) благодаря простому сочетанию с субъектом в номинативе, ср. указание Бенвениста на подобное употребление именных предикатов в семитских языках, где вообще не было глагола 'быть' [Бенвенист 1974, с. 205]. В обеих предикациях субъект воли не актуализирован, представляя тождество с субъектом действия либо аористного действия, либо эмоционального признака. Итак, совмещение в одной конструкции двух разных субъектов (агенса и носителя эмоции) свидетельствует, кажется, о том, что эта древняя славянская форма эмоционального состояния лишена субъективного содержания. Этот вывод подкрепляется отсутствием у эмоционального предиката обязательного объектного управления, отображающего причинно-следственную связь с событием-причиной. Для актуализации в данной форме субъекта воли необходимо, чтобы в контаминированной предикативной синтагме оба агенса (агенса внешнего воздействия и носитель эмоционального признака) слились в единый субъект с функцией бенефициара. Для этого в языке, как уже

было сказано, существовала конструкция ‘быть у’: субъект в дативе + «связка» в «эмфатическом положении». Приобретение глаголом ‘быть’ функции связки и субъектом эмоции – функции бенефициара, усваивающего эмоциональный признак, – являются взаимно обуславливающимися процессами, отмечаемыми в книжной литературе достаточно поздно [Виноградов, 1972, с. 321]. Первые зафиксированные примеры «безличного» употребления эмоциональных наименований в русском языке относятся только к XVI в., ср. примеры из памятников фольклора и деловой письменности: *охтѣ мнѣ молоды горевати. Песни Дж., 5; И мнѣ и достать въ такихъ бѣдахъ моихъ сокрушиться.* Переп.Хован., 341. *Тошно л тошно л мнѣ по милеком встоишилося, грустно по сердешном взгруснулося, что покинул мене мои сердешнии другъ.* Песни Квашн.,932.XVII в. [СлРЯ XI-XVII, 1977 г., в. 4]. В литературный язык безличная эмоциональная конструкция попадает только в XVIII веке, ср. *Гитарой, скрипкою и пѣньем, Стихов иль прозы громким чтеньем Приятно вечер проводить.. Но только вечер, два, недѣлю – А там придется загрустить.* Шлкв. ДПМ 208; *И тебѣ также болѣзненно, печально, как мнѣ* ЛВ¹ I 195 [СРЯ XVIII, 1992, в. 7]. Все это показывает, что «номинативная» эмоциональная конструкция в древнерусском языке отображала не психическое переживание как результат специфической мотивационной деятельности, а поведение, сходное с любой другой субъектной деятельностью. Этим объясняется тот несомненный факт, что основу лексического корпуса эмоциональных наименований в древнерусском языке составляли лексемы, выразившие «различные мимико-голосовые реакции» в личной (агентивной) форме глагола: *въздохнути, утерети слезы, прослезитися* и под. с характерными часто однокоренными тавтологическими обстоятельственными определениями, указывающими на величину и силу реакции, ср. *много, беспрестанно, велми, зѣлю, повелику, с многими слезами, с плачем великимъ, обливающее лице свое; со слезами и плачая, гласомъ великимъ* и т.д. [Буряков, 2012, с. 21]. Ср. [1158]: *Кияне рекуче: по бди княже Киеву. Гюрги ти умерлъ, онъ же прослезивься.* Ипат.лет., 175об. [Ин. 11, 34-35]: *Глаголаша ему: Господи, при*

Иисусъ; ср. греч. λέγουσιν αὐτῷ κύριε ἔρχου καὶ ἴδε, *ἐδάκρυσεν ὁ Ἰησοῦς*; [Дан.13:41-42]: слав. *И* [старцы] *умѣртовіе. И* *анна*; лат. *Et condemnaverunt eam ad mortem. Exclamavit autem voce magna Susanna.* [1 Цар.5:10] слав. *де кивѣтъ Бѣга Израїлева во Аскалонѣ, и* *ша* *тяне*; греч. ἐβλήθη κιβωτὸς θεοῦ εἰς Ἀσκαλῶνα καὶ ἐβόησαν οἱ Ἀσκαλωνῆται и т.д.

В позиции экзистенциального субъекта, часто с локативным уточнением, эмоциональное наименование легко ассоциируется с общественным явлением: трауром, праздником и т.д., ср. [1261]: [Татары] *придоша к Соудомиррю и ѡбъстоутиша и со всѣ сторонѣ городѣ...* и *быс плачь великъ и рыдание.* Ипат. лет. *Поимъ же Епифанъ мя и Исака. отпложомъ въ Римъ. бѣше же плачь и рыдание* *ревахъ.* (Пов.Полив.о арх.кипр.) Усп. сб. XII-XIII вв., 161в29; *И ина мѣнога заповѣдавши оутвържаше крещенья. Бысть же радость велия многа въ градѣ* Усп. сб. XII-XIII вв., 80г28-29.

Весьма показателен и тот факт, что даже органические ощущения отображаются в древнерусском языке в «номинативной» конструкции. Неудивительно, что лексема *болжно*, реализующая свое значение внутреннего переживания в «дативной» конструкции, отсутствует в словнике Словаря древнерусского языка (XI-XIV вв.).

Первые употребления этой лексемы, в которой актуализируется субъект воли и выражаются элементы внутреннего состояния, относятся к XVI-XVII вв., ср. из Жития протоп. Аввакума: *Какъ били, такъ не болно было с молитвою тою.* Ав. Ж., 23, 1673 г. Инфинитив с этой основой единично встречается у Даниила Заточника (XIII в.), в тексте, относящемся к XVII в., в сочетании с субъектом в дательном падеже. Однако употребленное при инфинитиве обстоятельственное определение характеризует состояние как чисто внешнее, ср. *Лутче бо ми трясею болѣти: тряса бо, потрясчи, пустить, а зла жена и до смерти сушит.* Сл. Дан. Зат., 69 [СлРЯ XI-XVII, 1975, в. 1, с. 281; 285]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян, Ю.Д. Основания системной лексикографии / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С.33-160.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист // – М.: Прогресс1974. – 447 с.

Буряков, М.А. Возникновение понятия «психическое переживание» и его языковое выражение в процессе формирования общенационального русского литературного языка / М.А. Буряков // V Кирилло-Мефодиевские чтения. Межвузовский сб. научно-методических статей. – Ишим: Изд. ИГПИ им. Ершова, 2012. – С. 19-30.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 291-325.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 5-е изд. стереотип. / В.И. Даль. – М.: Русский язык. – Медиа; Дрофа, 2008.

Калакуцкая, Е.Л. Лексико-семантическая тема «уныние-меланхолия-задумчивость-забвение» в русском языке и культуре второй половины XVIII в. / Е.Л. Калакуцкая // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С.142-147.

Левонтина, И.Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка / И.Б. Левонтина // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С.163-238.

Пешковский, А.А. Русский синтаксис в научном освещении. – 8 изд. доп. / А.А. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

Пирейко, Л.А. К истории пассивных форм в иранских языках / Л.А. Пирейко //Иранское языкознание. История, этимология, типология (К 75-летию проф. В.И. Абаева). – М.: Наука, 1976. – С. 35-44.

Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. / А.А. Потебня. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.

Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2010. – 240 с.

Селиверстова, О.Н. Глава II Глагол *иметь* и конструкция *У меня (есть)* / О.Н. Селиверстова // Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 134-167.

Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание. Пер. с нем.. Изд. 3-е / О. Семереньи. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 400 с.

Словарь Русского языка XVIII века. Вып. 1–19. – СПб.: Наука, 1984-2011.

Словарь Русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-29. – М.: Наука, 1975-2011.

Степанов, Ю.С. Вид, залог, переходность [балто-славянская проблема. II] / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1977. Т.36. – № 2. – С. 135-152.

Степанов, Ю.С. Индоевропейское предложение / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1989. – 125 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964-1973.

Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык. – Медиа; Дрофа, 2009.

Юдакин, А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли / Отв. ред. В.З. Панфилов. М.: Наука, 1984. – 166